

Библиотека Всемирной Литературы

АРКАДИЙ АВЕРЧЕНКО

Рассказы

Аркадий Тимофеевич Аверченко

Белая ворона

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=615775
Аверченко А.Т. Рассказы: Эксмо; Москва; 2008
ISBN 978-5-699-29281-3*

Аннотация

«... Я считаю его дураком, и поэтому все наше знакомство произошло по-дурацки: сидел я однажды вечером в своей комнате (квартира состояла из ряда комнат, сдаваемых плутоватым хозяином), сидел мирно, занимался, – вдруг слышу за стеной топот ног, какие-то крики, рев и стоны...

Я почувствовал, что за стеной происходит что-то ужасное. Сердце мое дрогнуло, я вскочил, выбежал из комнаты и распахнул соседнюю дверь. ...»

Аркадий Аверченко

Белая ворона

Он занимался кристаллографией. Ни до него, ни после него я не видел ни одного живого человека, который бы занимался кристаллографией. Поэтому мне трудно судить – имелась ли какая-нибудь внутренняя связь между свойствами его характера и кристаллографией, или свойства эти не находились под влиянием избранной им профессии.

Он был плечистый молодой человек с белокурыми волосами, розовыми полными губами и такими ясными прозрачными глазами, что в них даже неловко было заглядывать: будто подсматриваешь в открытые окна чужой квартиры, в которой все жизненные эмоции происходят при полном освещении.

Его можно было расспрашивать о чем угодно – он не имел ни тайн, ни темных пятен в своей жизни, пятен, которые, как леопардовая шкура, украшают все грешное человечество.

Я считаю его дураком, и поэтому все наше знакомство произошло по-дурацки: сидел я однажды вечером в своей комнате (квартира состояла из ряда комнат, сдаваемых плутоватым хозяином), сидел мирно, занимался, – вдруг слышу за стеной топот ног, какие-то крики, рев и стоны...

Я почувствовал, что за стеной происходит что-то ужасное.

Сердце мое дрогнуло, я вскочил, выбежал из комнаты и распахнул соседнюю дверь.

Посредине комнаты стоял плечистый молодец, задрапированный красным одеялом, с диванной подушкой, нахлобученной на голову, и топал ногами, издавая ревущие звуки, приплясывая и изгибаясь самым странным образом.

При стуке отворенной двери он обернулся ко мне и, сделав таинственное лицо, предостерег:

– Не подходите близко. Оно ко мне привыкло, а вас может испугаться. Оно всю дорогу плакало, а теперь утихло... – И добавил с гордой самонадеянностью: – Это потому, что я нашел верное средство, как его развлечь. Оно смотрит и молчит.

– Кто «оно»? – испуганно спросил я.

– Оно, ребенок. Я нашел его на улице и притащил домой.

Действительно, на диване, обложено подушками, лежало крохотное существо и большими, остановившимися глазами разглядывало своего увеселителя...

– Что за вздор? Где вы его нашли? Почему вы обыкновенного человеческого ребенка называете «оно»?!

– А я не знаю еще – мальчик оно или девочка. А нашел я его тут в переулке, где ни одной живой души. Орало оно, будто его режут. Я и взял.

– Так вы бы его лучше в полицейский участок доставили.

– Ну, вот! Что он, убил кого, что ли? Прехорошенький ребеночек! А? Вы не находите?

Он с беспокойством любящего отца посмотрел на меня.

В это время ребенок открыл рот и во всю мочь легких заорал.

Его покровитель снова затопал ногами, заплясал, помахивая одеялом и выкидывая самые причудливые коленца.

Наконец, усталый, приостановился и, отдышавшись, спросил:

– Не думаете ли вы, что он голоден? Что «такие» едят?

– Вот «такие»? Я думаю, все их меню заключается в материнском молоке.

– Гм! История. А где его, спрашивается, достать, молока этого?

Мы недоумевающе посмотрели друг на друга, но наши размышления немедленно же были прерваны стуком в дверь.

Вошла прехорошенькая девушка и, бросив на меня косой взгляд, сказала:

– Алеша, я принесла вам взятую у вас книгу лекций профес... Это еще что такое?

– Ребеночек. На улице нашел. Правда, милый?

Девушка приняла в ребенке деятельное участие: поцеловала его, поправила пеленки и обратила вопросительный взгляд на Алешу.

– Почему он кричит? – строго спросила она.

– Не знаю. Я его ничем не обидел. Вероятно, он голоден.

– Почему же вы ничего не предпринимаете?

– Что же я могу предпринять?! Вот этот господин – он,

кажется, понимает толк в этих делах – советует покормить грудью. Не можем же мы с ним, согласитесь сами...

В это время его взор упал на юную, очевидно, только этой весной расцветшую грудь девушки, и лицо его озарилось радостью.

– Послушайте, Наташа... Не могли бы вы... А?

– Что такое? – удивленно спросила девушка.

– Не могли бы вы... покормить его грудью? А мы пока вышли бы в соседнюю комнату... Мы не будем смотреть.

Наташа вспыхнула до корней волос и сердито сказала:

– Послушайте... Всяким шуткам есть границы... Я не ожидала от вас...

– Я не понимаю, что тут обидного? – удивился Алеша. – Ребенку нужна женская грудь, я и подумал...

– Вы или дурак, или нахал, – чуть не плача, сказала девушка, отошла к стене и уткнулась лицом в угол.

– Чего она ругается? – изумленно спросил меня Алеша. – Вот вы – человек опытный... Что тут обидного, если девушка покормит...

Я отскочил в другой угол и, пряча лицо в платок, затрясся. Потом позвал его:

– Пойдите-ка сюда... Скажите, сколько вам лет?

– Двадцать два. А что?

– Чем вы занимаетесь?

– Кристаллографией...

– И вы думаете, что эта девушка может покормить ребен-

ка?..

– Да что ж ей... жалко, что ли?

Содрогание моих плеч сделалось до того явным, что юная парочка могла обидеться. Я махнул рукой, выскочил из комнаты, побежал к себе, упал на кровать, уткнул лицо в подушку и поспешно открыл все клапаны своей смешливости. Иначе меня бы разорвало, как детский воздушный шар, к которому приложили горящую папироску...

За стеной был слышен крупный разговор. Потом все утихло, хлопнула дверь, и по коридору раздались шаги двух пар ног.

Очевидно, хозяин и гостя, помирившись, пошли при-страивать куда-нибудь в более надежные руки свое сокровище.

* * *

Вторично я увидел Алешу недели через две. Он зашел ко мне очень расстроенный.

– Я пришел к вам посоветоваться.

– Что-нибудь случилось? – спросил я, заражаясь его озабоченным видом.

– Да! Скажите, что бы вы сделали, если бы вас поцеловала чужая дама?

– Красивая? – с цинизмом, присущим опытности, спросил я.

– Она красивая, но я не думаю, чтобы это в данном случае играло роль.

– Конечно, это деталь, – сдерживая улыбку, согласился я. – Но в таких делах иногда подобная пустяковая деталь важнее главного!

– Ну да! А в случае со мной главное-то и есть самое ужасное. Она оказалась – замужем!

Я присвистнул:

– Значит, вы целовались, а муж увидел?!

– Не то. Во-первых, не «мы целовались», а она меня поцеловала. Во-вторых, муж ничего и не знает.

– Так что же вас тревожит?

– Видите ли... Это в моей жизни первый случай. И я не знаю, как поступить? Жениться на ней – невозможно. Вызвать на дуэль мужа – за что? Чем же он виноват? Ах! Это случилось со мной в первый раз в жизни. Запутанно и неприятно. И потом – если она замужем – чего ради ей целоваться с чужими?!

– Алеша!

– Ну?..

– Чем вы занимались всю вашу жизнь?

– Я же говорил вам: кристаллографией.

– Мой вам дружеский совет: займитесь хоть ботаникой...

Все-таки это хоть немного расширит ваш кругозор. А то – кристаллография... она действительно...

– Вы шутите, а мне вся эта история так неприятна, так

неприятна...

– Гм... А с Наташей помирились?

– Да, – пробормотал он, вспыхнув. – Она мне объяснила, и я понял, какой я дурак.

– Алешенька, милый!.. – завопил я. – Можно вас поцеловать?

Он застенчиво улыбнулся и, вероятно, вспомнив по ассоциации о предприимчивой даме, сказал:

– Вам – можно.

Я поцеловал его, успокоил, как мог, и отпустил с миром.

* * *

Через несколько дней после этого разговора он робко вошел ко мне, поглядел в угол и осведомился:

– Скажите мне: как на вас действует сирень?

Я уже привык к таинственным извивам его свежей, благоухающей мысли. Поэтому, не удивляясь, ответил:

– Я люблю сирень. Это растение из семейства многолетних действует на меня благотворно.

– Если бы не сирень – ничего бы этого не случилось, – опустив глаза вниз, пробормотал он. – Это «многолетнее» растение, как вы называете его – ужасно!

– А что?

– Мы сидели на скамейке в саду. Разговаривали. Я объяснял ей разницу между сталактитом и сталагмитом – да вдруг

– поцеловал!!

– Алеша! Опомнитесь! Вы? Поцеловали? Кого?

– Ее. Наташу. – И, извиняясь, добавил: – Очень сирень пахла. Голова кружилась. Не зная свойств этого многолетне-го растения – не могу даже разобраться: виноват я или нет... Вот я и хотел знать ваше мнение...

– Когда свадьба? – лаконически осведомился я.

– Через месяц. Однако как вы догадались?! Она меня... любит!..

– Да что вы говорите?! Какое совпадение! А помните, я прошлый раз говорил вам, что ботаника все-таки выше вашей кристаллографии? О зоологии и физиологии я уже не говорю.

– Да... – задумчиво проговорил он, глядя в окно светлым, чистым взглядом. – Если бы не сирень – я бы так никогда и не узнал, что она меня любит.

* * *

Он сидел задумчивый, углубленный в свои новые, такие странные и сладкие переживания, а я глядел на него, и мысли – мысли мудрого циника – копошились в моей голове.

«Да, братец... Теперь ты узнаешь жизнь... Узнаешь, как и зачем целуются женщины... Узнаешь на собственных детях, каким способом их кормить, а впоследствии узнаешь, может быть, почему жены целуют не только своих мужей, но и чу-

жих молодых человек. Мир твоему праху, белая ворона!..»